

Оскомина, или
Запись-ком
ефрейтора
Хлебонасущенского

Владимир Партолин

18+

Владимир Иванович Партолин Оскомина, или Запись-ком ефрейтора Хлебонасущенского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70479640

SelfPub; 2024

Аннотация

Взвод спецназа, дисциплинарно наказанный, бежал с материка на остров, на котором и обосновался, восстановив местный колхоз.

Владимир Партолин Оскомина, или Запись- ком ефрейтора Хлебонасущенского

Он этот текст надиктовал в комлог спустя годы на острове.

Бежали из ЗемМариин мы на паруснике, беглецов на судне прятали в вагоне-ресторане. На гарнизонной гауптвахте в Твердыне мест хватило только двум из трёх взводов роты, комиссару, офицерам и старшине. Запросили места в гауптвахтах Форта и Рабата, но тамошние начальники отказали. Поэтому комроты, каптенармуса, сержантов и рядовых 3-тъяго взвода, разведотделение и отделение оруженосцев поместили в эту старинную, доставленную на материк, где обычных-то бытовок не построить, не то, что железных дорог, коробку. Сохранился вагон почти в первозданном виде фешенебельного ресторана на колёсах, разве что панели красного дерева по стенам заменили листами из гофрированного пластика, да окна без стёкол заделали досками и парусиной. Вагон не запирали и не охраняли. Сбежишь,

в Твердыне не спрятаться и за пределы купола-ПпТ не выбраться, да и куда в Антарктиде, выбравшись из-под купола-«миски», по снегу в мороз и пургу податься.

По нужде ходили в тамбуры, где оба туалета работали справно, была холодная и горячая вода, полотенца раз от разу менялись.

Кормили приносным в бачках, хотя вагон-ресторан до нашего заселения был столовой для рабочих «атомной теплицы», здесь оставалась кухонная утварь и кое-какая посуда, да и у нас в арест армейский полевой набор для приёма пищи не изъяли. В раздаточной на полках преобладали глиняные жбаны и жбанки, из которых полеводы пили пиво, но бригада накануне нашего сюда определения проиграла в трудовом соцсоревновании – не выполнила план – потому лишилась напитка и трапезной комфортабельной. Нам жбаны и жбанки ни к чему – ели из солдатских котелков, пили из кружек.

А столовая, действительно, в теплице слыла самой комфортабельной. Трапезную украшал камин, топили который брикетами с применением каминного инструмента в стойке, явно декоративного по назначению: не из железа кованого, из силумина литого с завитушками. Мы камином не пользовались, потому, как в вагоне было жарко от наружного тепличного воздуха, нагреваемого мощными лампами над грядками. На это пожаловались начальнику гауптвахты (по утрам лично приносил нам к чаю кусковой сахар), и он нам полевое обмундирование спецназовца ВДВ заменил

матросским. Из-за жары в камере на руки выдал только одни трусами. Тельняшку десантника-парашютиста и спецназовские балаклавы – молодец – оставил нам. Нательник матроса Войска береговой охраны ЗемМариин отличался от тельняшки солдата ВДВ, причём разительно: вся не в бело-голубую полоску, а в разноцветную. «Хрон в дышло тому дизайнеру, придумавшему такое вот «петушиное»», приговаривал начгауптвахты, изымая из комплекта матросского нижнего белья радужный нательник и к трусам возвращая тельняшку «вэдэвэшника». Забрав шнурки от спецназовских ботинок, распорядился к трусам прижать, зачем-то, матросские же поясные ремни – что всех удивило, потому как арестантам, как и шнурки, не положены. Я ещё тогда подумал, не намекал ли прапор тем самым на суицид. Чему, несомненно, был бы только рад: прокорми такую ораву верзил, молодцов, выросших и привыкших к пище из кораллов, пусть не совсем вкусных, зато коих на Марсе прорва, только копей. Не один я, и старослужащие в строю, меняя шнурки на пояса, переглядывались изумлённо. Наш каптенармус прапорщик Лебедько развеял напряжённость. Накинув ремень на плечи вокруг шеи (подпоясаться длины пояса ему не хватало), повеселил: «Повесимся. Ато». Комроты к поясам потребовал выдать матросские бушлаты с клешами, ночами всё же в одних трусах спать прохладно, начальник распорядился – выдали, но одни только бушлаты, укрываться.

Занимавшую половину среднего в вагоне тамбура отго-

родку для хранения топочных брикетов убрали по нашему требованию – мешала курить. Пожалели впоследствии: запертые в трюме парусника, лёжа вповалку на столе и скамьях ресторанной трапезной, кутаясь в бушлаты и посасывая воровань, с вожделием поглядывали мы на стылый камин.

От избытка соли опухли, но благо от жажды не страдали: дождевая вода просачивалась через щели в палубе и капала в открытые потолочные люки вагона. Жбаны и жбанки пригодились.

Десантура, после отбоя кутаясь в бушлаты, сокрушалась: «На губе, в теплице, в тепле и сытости сидели, бабы-огородницы огурцами подкармливали – чего нам не хватало». Зампотылу майор Каганович язвил: «Здесь не хватает молоденьких официанток и проводниц». «Теперь мы на свободе – найдём», радовались беглецы. Старший сержант Кобзон, зам ротного старшины, подобные разговоры останавливал, ещё, будучи под арестом: «Не вякать! Всем спать, отбой. Будет кто клеиться к работницам, засеку – пресеку». У него есть чем: кулаки огромные, мосластые, тяжёлые, что гири пудовые.

* * *

Я встал утром засветло вскипятить воду. Прежде зашёл в тамбурный туалет другого конца вагона, «кухонный» занят комроты полковником Курт Францем Аскольдовичем. Здесь он день обычно просиживал, надиктовывая что-то в комлог. А ночами спал.

Оправляясь, я глянул в окошко через соскобы краски на стекле и к удивлению своему не увидел горящих ламп над огуречными грядками. Темень одна. А присмотрелся, различил близко за стеклом рифлёную стенку морского контейнера, их использовали под погрузку и перевозку ящиков с овощами. Тут только – спросонья сразу не ощутил – сообразил, что вагон-ресторан не стоит на месте, движется. Точнее, качается, как на волнах. Когда же втемяшилось, что снаружи не теплица вовсе, вагон теснится среди контейнеров в трюме сухогруза, за бортом океан, что, судя по всему шторм занимается, метнулся назад на кухонную половину вагона и разбудил полковника. Тот, ни как долго не реагирующий на мой доклад через запертую дверь туалета, в конце концов, вникнув в суть происходящего, вывалился в тамбур подкошенным под колёнки – спал, сидя на унитазах.

Той ночью все, даже земляки-деды, не говоря уже о небёнах-салагах, уснули сразу после вечернего чая, задолго до отбоя, потому не слышали, как вагон-ресторан подцепили мостовым краном и опустили в трюм парусника. Как выяснилось, владелец судна меняла Зяма выменял «ресторан» за три десятка школьных ранцев – столько детишек тем годом пошло на Руси в первый класс. А узнал, уже далеко от берега, что вагон не пуст, в нём арестанты, рвал во все паруса, пока не наткнулись посреди Тихого океана на остров Бабешка с государством Пруссия, населением в три деревни. Устроил, как прояснилось, выгодный Зяме мен и нам побег бригадир

Чон Ли. Правда, впоследствии узнали, идею подал и операцию побега разработал не китаец, а начальник гауптвахты, в стоворе с менялой Зямой. Посвящённым в дело мог быть комроты, но, видать, скрывал, памятуя о том, что сохиды могли запытать солдат, выведать кто организатор и пособник побега. Эти могут. Хотя, наверняка, до дознания с пытками дело не дошло бы: гвардейцам Сохрана Исхода наш побег по барабану, что и подтвердилось после их бездействием. Китаец увязался с менялой, устроившись на камбуз мойщиком посуды, таскал нам в трюм воду и ворвань. От команды наше присутствие на борту скрывал, шкиперу сознался после, как судовой кок забил тревогу – пропадала рыба из ухи. На Бабешке Чон Ли предложил полковнику услуги денщика, но тот отказал, назначив истопником и раздатчиком в столовой.

Президент Пруссии принял нас радушно, официально в присутствии владельца и шкипера парусника дал беглым политическое убежище и предложил принять гражданство. Слепой, старик не видел кого приютил: из вагона-ресторана вывалились сорок четыре скелета-оборванца закутанных в матросские бушлаты и подпоясанных ремнём с почерневшей от трюмной сырости латунной пряжкой. Не построившись, толпой прямиком – опрометью бросились – к караваю хлеба с солью.

Франц Аскольдович поблагодарил за приём и заверил, что арест наш – недоразумение, а побег вообще случаен, Командующий ВДВ на Марсе и Комендант Крепости в Твердыне

разберутся, и пользоваться гостеприимством Его Превосходительства будем недолго, от силы полгода-год. Нужно только сообщить оказией в ЗемМарию о происшествии и за нами прибудет корабль или дирижабль. (При виде того «пейзажа», среди которого оказались, под дождём, на ветру Франц Аскольдович благоразумно заключил, что лучше вернуться в «атомную теплицу»). Разочарованный глава Пруссии, сменив обаяние на суровость в лице, предупредил, что кормиться «в таком разе» нам придётся своим трудом, «кости бросить» распорядился в пустовавшей деревне Отрадное.

Отрадное сожгли «волки», объединившись по случаю набега на Бабешку в одну кодлу с «мустангами» и «драконами». Разграбили и увезли всё: жителей, оборудование, продовольствие. Юрты с чумами оставили, но обосновались мы полевым лагерем, заняв под казарму из колхозных построек только амбар. «Миску», защитный купол-ПпТ, и башню водокачки поправили, «качалку» отремонтировали и запустили. КП, медчасть соорудили из оставленных нам шкипером морских контейнеров, столовой же стала «губа», вагон-ресторан. Последнему я, конечно, порадовался. Плиты на кухне работали на природном газе в баллонах, которого на острове оказалось вволю, только ходи заправлять к котловану за пять километров. В шкафах и духовках имелась посуда для варки и жарки. Жить нам предстояло на острове голом и пустынном, без деревца и кустика, без зверья и птицы, благо, с климатом почти экваторпльном, на каком и в зиму морозы

редкость. Конечно, надо бы к бушлатам, тельняшкам и трусам что-то из одежды тёплой, но Зяма, убывая в ЗемМарию, предложил на выбор морские штормовки или ранцы школьные. После, в зиму, поняли, что поиздевался меняла. Полковник решил взять штормовки, но каптенармус Лебедько склонил согласиться на ранцы. А ну как придут за нами через год, а то и два; президентское «кормиться своим трудом», означало заниматься сельхозтрудом – сеять, полоть, убирать. Тогда в чём доставить с полей урожай в деревню, на Бабешке ни машин, ни лошадей. На острове обыкновенные мешки в дефиците – вот ранцы и сгодятся. К тому же, одеться, во что тёплое есть – зипуны из овчины: Президент Пруссии сплеховал: подарил беглой десантуре, до того как отказались от гражданства. Тогда же, к слову сказать, и расстроился: лично вручая зипуны беглецам, наощупь выяснил, что большинство в шеренге молодёжи, причём подавляющее, а у него в Пруссии женского полу раз-два и обчёлся, своим мужикам – гражданам – нехватка.

Продуктов, оставленных нам шкипером, на первое время хватало, ещё и «неприкосновенный запас» имелся. Коробки НЗ, после ареста у каптенармуса Лебедько не изъяли и разрешили забрать в вагон-ресторан вместе с ротным сейфом. Зампотылу Каганович попытался это оспорить, мотивируя тем, что на гарнизонной гауптвахте оставлена большая часть роты, два из трёх взвода. Комроты, было, согласился, но Лебедько, который только и носил сейф, снял «шкаф» с плеч,

поставил на пол, расправил ляжки и предложил любому из 1-вого или 2-рого взводов попробовать «впрячься». В побег сейф ни разу не был открыт, НЗ остался не тронутым. Зяма, наигранно проявляя сердобольность, оставил нам флотских макарон, да слепой Президент, видимо озабоченный перспективой захоронения трёх дюжин мужчин, наделил на зиму мукой, стокфиском (пресно-сушёная рыба) и подсолнечным маслом.

Минули полгода, нас с Бабешки не забрали. Перезимовали на дарах менялы и островитян, НЗ съели. Пришла весна, а с ней пора посевная. В первый погожий денёк, когда панцирь из свинцовых облаков пропустил солнечные лучи, комроты вывел десантников в поле. Функции агронома он взял на себя – показал, как землю мотыжить, сеять. Семена выделил займы председатель колхоза «Мирный», что в деревне Мирное по соседству с Отрадным, в коем нам предстояло возродить колхоз «Отрадный».

Майор Каганович с прапорщиком Лебедько добыли несколько мешков семенного топинамбура, посадить «земляную грушу» полковник отправил на дальнее от деревни поле. Особняком оно от наших и соседских угодий потому, что на поле том Мосфильм батальные сцены снимал во времена былой бурной активности: Русь на острове разрабатывала залежи слюды под прикрытием добычи природного газа. «Дальнее поле» считалось ничейным, никем не обрабатывалось и не засевалось. На пустоши солдат вонзил в усердии

мотыгу глубже, чем следовало бы, и вырыл клубень внешне похожий на зубик чеснока. На зуб попробовал, – скривился. Каганович и я надкусили, – плевались. Дистрофик умирал, не ел бы, поэтому о находке забыли.

Лето мы пололи и поливали.

К нашему несчастью всё нами посаженное на грядках урожая не дали. Рожь не занялась, подсолнечник осыпался, сахарная свёкла выдалась с яблоко. А топинамбур – сколько той «груши» с поля одного. Выкопали, каптенармус всю на выгонку самогона для очистки «свечей» (спецназовские фильтры-респираторы заправляемые в нос) пустил. Укроп и петрушка (одни только и порадовали) – не еда. Так тем разом посчитали.

Настала осень, мы к концу второго её месяца прикончили остатки урожая, половину третьего пробавлялись одним жмыхом подаренным мирнянами-соседями. А когда неделю уже голодали, прапорщик Лебедько упросил полковника построить роту и отвёл на Дальнее поле.

...Этот клубень, из зубчика чесночного возросший, оказался значительно большим в размерах, по форме и цвету походил на банан, с одного конца имел усы корней, с другого прозрачный пузырь с букетиком голубых цветочков внутри.

– Анютины глазки, – удивился цветам ефрейтор Селезень, командир развеотделения.

– Угадал, – сказал прапорщик. – Овощ этот я «оскоминой» назвал. – Подкопал клубень, вытащил и показал сеть

переплетённых корней с густо посаженными оскоминами, – А корни эти «оскоминицей» назвал майор Каганович, по аналогии с грибницей.

Кому пробу снимать, бросили на пальцах – выпало ефрейтору Селезню. Усы и пузырь оторвал, слупил снаружи жёлтую изнутри красную кожуру – обнажилась чёрная, против ожидания, мякоть, приятно душистая. Смельчаки «свечи» из носа вытащили и понюхали. Один не удержался, надкусил. Рожу так скривил, что земляки «увидели Москву» и слюну пустили, а небёны, совсем пацаны, – слезу от отчаянья.

На ужин того дня я подал пюре из толчёного топинамбура с перетёртой оскоминой и крупно порубленной солью. Впервые за две последние недели ели не с горстку смеси из засушенных петрушки и укропа, а ложками из котелков, в которых «Отраду» (так зампотылу назвал пюре) я украсил «анютиными глазками» и, гордо представив блюдо салатом, подал к столу. Серая каша, белые кристаллы соли, голубенькие цветочки поверху: живописно было, но салатом называть не прижилось. Ели. Земляки «Москву смотрели», небёны плакали – от нехватки. Отказникам Франц Аскольдович приказал: «Пищу принять! – и добавил, сам испробовав: – За салат сойдёт, но по правде больше на пюре походит. Ешьте, альтернативы нет. Злаков осталось только-только отсеяться. Если к весне не заберут с острова – упаси, конечно, Господь, – землю под рожь рыхлить попробуем на глубину десяти-че-

тырнадцати сантиметров, пятую часть поля на глубину шести-семи сантиметров – поэкспериментируем. И поливать... не сразу. Сразу, только экспериментальную часть поля, следом за сеятелями».

Воду для полива таскали в школьных ранцах клеёнчатых – пригодились.

Грянула зима, чуть ноги не протянули. Петрушка с укропом и «Отрада» спасли!

Во взводе все исхудали, кости да кожа, только каптенармус с зампотылу одни с виду остались в теле, будто и не голодали вовсе. Наоборот, Лебедько, тот располнел безобразно: жиром оплыл, что тот борец японского сумо. Майор не поправился, остался тощим, но с животиком, и выглядел сытым и бодрым, в столовой добавки не просил. Я этому, как повар, сильно дивился. В миску Лебедько накладывал два черпака, полчерпака от своей порции ссужал Каганович, но и эта почти тройная порция спецназовцу, амбалу нестандартных габаритов, червячка не заморить, а такому великану – на понюх. Правда, прапорщик с майором ни чем не брезговали: ночами наведывались ко мне в столовую (я здесь спал – сторожил провиант), запирались в стряпной и варили себе очистки топинамбура. К их запаху примешивался густой дух, какой забредал в мою каморку с напоминанием то ли запаха ржаного теста подходящего, то ли браги укрытой. Подумал, запах ягоды-оскомины, позже узнал, что майор и прапорщик очистки с оскоминой не все съедали, гнали из

них самогонку. Первач даже Каганович попивал. Вскорости к «пойлу» (по выражению майора-язвенника) пристрастился и весь взвод. По моему настоянию – мне ведь к столу подавать – самогонку ту прозывали «киселём». От комроты сначала скрывали, но как-то – я в трапезной надраивал пол, забыл убрать жбан с полки – попробовал и после чаю и компоту предпочитал киселёк. Пил и ягодой – лейтенант медслужбы Комиссаров «овощ» упорно называл ягодой – закусывал. Киселём каптенармус приноровился чистить спецназовские респираторы – «свечи», которые реаменированные не спецпиртом, а самогоном, окрестил «макариками». Ему на Дальнее поле сходить оскомины набрать, деревню под «миской» оставить нет проблем: запас спецфильтров, «макариков», их очистка и укомплектование ими поясных табельных пеналов – в ведении его, каптенармуса.

Долгожданной весной зампотылу, получив отказ комроты занять семян, вернулся из Мирного с предложением тамошнего председателя колхоза «Мирный» обменять наши комлоги на их семена с химудобрениями. Перед высадкой в ЗемМариин комлоги заперли в ротном сейфе, секретными были, поэтому в смотровой гауптвахты фильтры изъять, вообще открыть сейф, командир не дал. На Бабешке комлоги оказались бесполезными. Вроде сигнал был, доставал, но где-то в акватории острова, должно быть, действовала «глушилка». Мирнян заинтересовали не как средство связи, а якобы как калькуляторы. Это уже позже прознаем, что, на

самом деле, рыбаки на своих сейнерах девайсы использовали в качестве эхолотов, выискивали рыбы косяки. В отдалении от Бабешки ловили в эфире переговоры пиратов и успевали оторваться от их шаров, оставив на плотях отступное – по паре разделанных и зажаренных акул. Оно – лишение комлогов (не всех, части) – и к лучшему для нас оказалось: у рыбаков улов повысился, ворванью и вяленой рыбой одаривали не скупясь. Обменяться полковник Кагановичу разрешил, согласуясь с тем обстоятельством, что химудобрений к семенам мирняне первым разом нам не придали.

* * *

Другим днём после обмена комлогов на химудобрения Франц Аскольдович остановился на выходе из казармы и в дверной проём наблюдал за солдатами. В строю на утренней поверке те стояли в одном исподнем. Не в галифе с гимнастёркой навывпуск, как по уставу положено, чтобы выскочить на мороз и кросс пробежать, физзарядкой позаниматься. Нет – в трусах, мать их, матросов береговой охраны альянса. Обуты – в рыбацкие сапоги вместо спецназовских берцов. Глаза б не видели! Голенища отвёрнуты, по земле волочатся. Трусы кому выше, кому ниже колена, у старослужащих приспущены на бёдра (франты), у салаг выше пупка (франты подтянули), а у оруженосцев – у японцев – у тех в сапоги заправлены. Голые икры солдат – не загорелые, неприятно напоминали полковнику женские. На поясном ремне у всех фляжка, подсумок и пенал со «свечами», но развешано враз-

нобой – у кого на животе, у кого на пояснице, у кого на боку, у земляков на заду. Нелепо выглядели и особенно раздражали чёрные трикотажные спецназовские балаклавы, скатанные в шапочку так небрежно, что торчали пучками волосы из глазных и для рта прорезей. Ранцы закинута через одно плечо: «школьные», лямки на детей рассчитаны – двухметровым спецназовцам коротки. Такой внешний вид после пробудки, не полковник даже, старшина пресёк бы в казарме, а тут на плацу! Не совсем, правда, плацу – площадка перед амбаром для сушки зерна. Тельняшки «вэдэвэшника» только одни и радовали глаз.

Земляки жевали оставленные от званого ужина пирожки с капустой – закуска к ста граммам налитым по случаю сделки. Мирняне, обмывали приобретённые комлоги, угостили нас выпивкой и выпечкой. Наливали в жбанки ром: пираты в благодарность за отступное – за зажаренных акул – оставляли рыбакам на плоту по дюжине бутылок. Небёны с завистью глазели старшим товарищам в рот и на сверстников не воспротивившихся обмену своей «сотки» на пирожок. Кстати, Франц Аскольдович выпить мальчикам поначалу запретил, но, когда его пирожок старший сержант Кобзон выразительно намазал кабачковым джемом, в котелок положил добела проваренную акулю ласту, а жбанок ромом наполнил до краёв, уступил.

Некоторые небёны в строю, опустив глаза, чем-то хрустели. Я знал, хитрости жрали, только сдобрив их выпро-

шенной у меня сушёной петрушкой. Кстати, отметить надо, моя доброта боком вышла. Небёны-салаги, заполучив от меня подсказку, где можно те химудобрения добыть, ползая по мирнянским полям, выяснили ненароком, что в Мирном кроме суровых баб (жёны рыбаков) имеются ещё и молодухи незамужние. После по ночам бегали на завалинку к девчатам, парочками в зипун укутаются и поют себе песни. Земляки-старослужащие приструнивали: «кабы чего не вышло», пока сами не принялись похаживать в сопки к рыбацкам – блудить.

И это воины ВДВ? Какое там – клоуны! Я так подумал, наблюдая за построением из окна кухни, а как посчитал полковник Курт, не только сам лично отличавшийся офицерской выправкой, но и у кого подчинённых в полку прозывали «манекенами», было и так ясно.

Правда, сегодня и его самого видок был ещё тот. Без брюк – в одних кальсонах. Вязанные из нитки мохера, кальсоны те в ансамбль облачения – китель офицера-морьяка, тельняшка, португепя, матросские прогары на ногах – ну, ни как не вписывались. Но насмешек не боялся: вчера отсмеялись – досталось и дедам и салагам. Что прискорбно, перепало – попали нечаянно под раздачу – и мирнянам-менялам. Ну, сами виноваты: не успели солдаты закусить, налили им в жбанки по вторых сто грамм. Комроты – сто пятьдесят, долили до двухсот...

На плац Франц Аскольдович ступил злой, казарменной

дверью врезанной в амбарные ворота, хлопнув так, что те с петель слетели. Сходу, отмахнувшись от попытки старшего сержанта Кобзона сделать доклад, приказал:

– Каптенармус, роту разуть! Боты не давать носить весну, лето и осень – до первых холодов... Солдаты, ранец не носить! Использовать в гамаках под голову вместо подушки. НЗ закончился, «сливок» больше не будет, потому «сливпакеты» сдайте с ботами. Как их?.. Воротники эти заплечные от матросской форменки... гюйсы... мирняне выменять не согласились, вот ими ширинки в трусах и прикройте. Завяжите на манер женских передников. Земляки должны помнить, покажите молодёжи как повязать. Выправку мне покажите!

Надо заметить, дизайнер, разработчик формы моряка береговой охраны ЗемМариин, смудрствовал: включил в комплект повседневной форменки заплечные воротники с полосками и якорями, гюйсы так называемые. Бесполезные по сути – отменённые во всём альянсе у флотских линейных моряков. В трусах применил не резинку традиционную, а «клапана», такие же, как и у матросских брюк по боковым швам. Предписывалось петлями в тех клапанах трусы пристёгивать к пуговицам пришитым с изнанки брючин. К тому же скроены трусы были без ширинки, по малой нужде сходить – снимай брюки с трусами, выходило. Как поменяли нам армейскую хэбэлёнку на губе, прорезь в трусах, в месте ширинки, проделали не пописать, а для заправки пениса в мочеприём-

ник сливпакета, подвешиваемого к бедру под животом. Ведь в очередях у двух тамбурных туалетов по ночам не настоишь – долго, лень. А до ветру из вагона-ресторана в огуречник не выйти. Нет, не заперты были, боязно: бабы из огородниц огурцы сторожили. Первой же ночью устроили засаду у вагона. И что придумали, чем отвадить сцыкунов... залпом сушёного гороха из трубочек отсекали струю. Это хорошо, не сгорели от стыда, повезло десантуре: первыми «полить» огуречник Кобзон выпустил (на пробу) отделение оруженосцев-японцев... А так надюрил в сливпакет, миксером встроенным взбил – получил «спецназовские сливки». Но то делалось в полевых условиях, будучи облачённым в полную боевую экипировку, когда место сливпакету определено в специально скроенном внутреннем кармане «крыла» галифе. Прорезь в трусах называли «скворечником». По ночам у ветеранов «скворец» вываливался наружу и полёживал себе на боку, у молодёжи выпархивал и тянул «шею» – высматривал звёзды в потолочном люке вагона-ресторана. Пока НЗ приканчивали и спецназовскими сливками пробавлялись «шеи тянули», а вконец заголодали, – «улетели скворцы на юг». «Прилетели» на удивление, как «Отраду» стали потреблять. Я ночевал в столовой, не поверил тому, так однажды лейтенант Комиссаров уговорил пойти в казарму удостовериться. Пришли после отбоя, дневальный пропускал, – за тумбочкой стоя, присесть успел. В общем-то, я картине не удивился, сам у себя в коморке на топчане уснуть мог только

на спине. С руками под задом. Что поразило, так это то, что у земляков-дедов «скворцы» так же, как и у небёнов-салаг, теперь тянули, высматривая в потолочном люке звёзды, шею.

Францу Аскольдовичу гюйса не досталось, а сгодился бы, не помешал. Его кальсоны – в роте «коралловыми» считали ошибочно, на самом деле, «полукоралловые» – с мохером настоящим, земным. Отличались они интересным свойством: пушистые и небесного цвета днём, в вечер розовели, с закатом в сумерках становились гладкими и приобретали телесный цвет. Держались на резинке и не имели ширинки. У полковника «слон» выдающийся, солдаты командиру не в глаза смотрели, а невольно пялились пониже поясной пряжки. Командирской полевой сумкой, планшеткой, прикрывался.

– Товарищ полковник, пусть гюйсы останутся за плечами. Стирать нечем – мыла нет. Посверкают мудями, ни в деревне, ни в поле баб нет, – выразил несогласие каптенармус.

– Здесь, прапорщик Лебедько, не деревня, а полевой лагерь подразделения спецназа «вэдэвэ», – повысил голос Франц Аскольдович. И видно пожалел, снова окинув взглядом «клоунов». Командующий ВДВ застрелился бы, появись он здесь. – Тебе, каптенармус, надлежит нитки с иголкой добыть и распорядиться прорези в трусах зашить. Прослежу.

– Нитки с иголками майор Каганович попытался достать у мирнян, так запросили на обмен пяток лопат, а их у нас нет. Ну, зашьют прорези, сдадут сливпакеты, а со сливками

как быть?

– Какие к хрону сливки?! Едим что? Салат. «Отрада» эта – не сухпаёк из кораллов. Моча у нас теперь – не марсианская, земная. Посему сливпакеты, прапорщик, принять на хранение. Нитки с иголками добыть, скворечники зашить... Солдаты! – перебил комроты смешки в строю. – Трусину задрал по бедру и сливай в земельку... Впрочем, оправляться и по малой нужде, теперь – в гальюн. На прополке в сопки бегать запрещаю, терпите, и домой всё несите – нам удобрения органические нужны, на химические надежды нет.

Последние слова Франц Аскольдович бросил уже через плечо, обходя торопливо строй и на фланге сворачивая к будке гальюна. Приказал он пехотинцам остаться в одном исподнем не только потому, что не мог, во-первых видеть «вэд-эвэшника» в мастросском облачении, во-вторых, из необходимости: бушлаты, сапоги и пояса предстояло оставить колхозу «Мирный», как только прибудут забрать взвод с острова. Мирняне после званого ужина ушли, полковник, отменив построение на вечернюю поверку, зашёл ко мне на кухню, принёс в жбане подаренную ему наливку, попросил чем-нибудь закусить. Мне налил, а закусывал «Отрадой», пророчил: «Сброд клоунов. Отменить что ли построения? Вообще уставные отношения. – И спросил меня: – Как думаешь? Положи ещё твоего «Несчастья» и подставляй жбанок – надерёмся до дуриков».

Вернулся Франц Аскольдович из гальюна к строю, стар-

ший сержант Кобзон – в тельняшке, с гюйсом спереди на трусах – скомандовал:

– Командир первого отделения, принимай командование... парадом, – и, выкидывая далеко вперёд босые «циркули», побежал к будке.

Комотделения распорядился:

– Первое отделение к opravке товсь! – и недоуменно, я расслышал, забурчал в нос: – Кто до сего дня ходил на очко – комроты, да оруженосцы. Теперь, это ж пока полсотни человек поссыт, посрёт, с прополки вернувшись «гружёными», – и прикрикнул, – На фланге! Оруженосцы! Япошки-недобитки, молчать в строю.

– Японцы, боюсь, обделанными ходить будут. Это пока до них очередь дойдёт. А мыла нет, – напомнил комроты каптенармус.

– Прапорщик, разговорчики в строю. А впрочем, верещи дальше.

– Салаги, ночами они в гамаках в сливпакет дрочили, завтра – в гальюне в очко будут. Деда в очереди возмутятся, а, поди, у каждого простатит. Может, раздать сливпакеты? – высказал своё предвидение Лебедько.

– Не салаги, а новобранцы-небёны, не деда, а старослужащие-земляки. Ни как не запомнишь, прапорщик?

Жалко пацанов. Небёны землицы, какой была до Хрона, не видели. В Антарктиде в «атомных теплицах» в огуречник боялись ступить, а огурцов попробовали, кривились –

говорили коралл «пупырчатый» вкусней. Здесь на Бабешке, ни деревца, ни травинки, ни птички, ни жучка-паучка какого нить. Чудом каким-то овощи, зелень да зерновые в песке растут. Это мы, земляки, пожили – повидали и травку, и кустик, и птичку с пчёлкой. Вишню, ананасы ели, а им, небёнам с Марса, придётся ли.

– Своих приказов, прапорщик, не отменяю, – сбросил полковник китель, отстегнул с ремня сливпакет и разложил всё по штабелям перед строем.

– И прогары, – напомнил раздосадованный каптенармус. Франц Аскольдович послушно снял и приставил к крайним в линейке сапогам матросские прогары. Обтянул за поясом тельняшку, поправил полевую сумку. Висела та на животе ниже пряжки, аккурат «слона» прикрывала. В гальюне долго просидел почему – отверстие в месте гульфика у кальсон и дыру в планшетке ножом налаживал, догадался я. У полковника не «скворец», не «слонёнок» – «слон». После съеденной «Отрады», не один я замечал, возбуждался. Ладно в офицерском притворе казармы ночью в гамаке и во сне, так случалось и днём в столовой. «Слон», от стола полковник вставал, у всех на виду «хобот» тянул. Спасал китель, застёгнутый на все пуговицы, теперь вот офицерской полевой сумке участь ширмы перешла.

– Товарищ полковник, разрешите вернуть сливпакет хотя бы одному лейтенанту Комиссарову, – не унимался прапорщик.

– С чего бы?

– Понимаете, лейтенант засовывает сливпакет себе в прямую кишку, оставляет горловину мочеприёмника с наружи заднего прохода... деды, – виноват, старослужащие-земляки – сношают.

– В сливпакет? С миксером?

– Миксер лейтенант вынимает, а после актов вставляет и малафью взбивает. Не пробовал, но, говорят, сливки особенные получаются – не пить можно, а жевать, как жвачку. Надо бы вернуть, а то, боюсь, наладится десантура в Мирное по бабам и девкам бегать, а их там раз-два и обчёлся. Мужики и хлопцы деревенские за них и со спецназовцами схлестнутся. Не случилось бы беды.

– Верни...

* * *

Солдат полол, приседал с гуйсом на переду, – из «скворечника» «скворец» вываливался, висел вниз головой. А заправлял в трусы – руками в земле вымазанными. Идиот: песок хоть и чист без червячков-жучков, но радиоактивен!

Босые, без спецназовских подшлемников (поснимали: солнышко пригрело) и на клоунов-то уже не были похожи. Колхозники – одно слово.

Смотрел, смотрел Франц Аскольдович на это дело, смотрел и вдохновился на радикальный шаг: на вечерней поверке отменил воинские уставные отношения.

Первое утро после началось с оглашения обязанностей

колхозника, распределения должностей и переименований. Полевой лагерь на месте разграбленной деревни получил статус гражданского посёлка с прежним названием «Отрадное». Личный состав взвода теперь считался товариществом коллективных хозяйственников, колхозом сокращённо, и тоже с прежним названием «Отрадный». Отделения взвода предписывалось называть бригадами, спецотделения (отделения разведчиков и оруженосцев) – звеньями. Спецназовцы теперь стали полеводами, оруженосцы – разнорабочими. Повара, меня то бишь – звали (величали даже) кашеваром. Зампотылу привечали завхозом. Офицера медслужбы вместо кличить фельдшером, каптенармуса называть кладовщиком, а комроты – председателем колхозного правления. Командный пункт переименовали в колхозное правление, казарму в спальный барак, каптёрку в продсклад, столовую в столовку, медчасть в больничку, галыюн в нужник.

– Соблюдайте правило: друг к другу обращаться не «товарищ», например, Кобзон, а «мужик» Кобзон. «Мужик» – если старослужащий, земляк. «Хлопец» – если новобранец, небён, – заканчивал читку Франц Аскольдович последнего приказа по взводу. – Приказ вступает в силу с момента ознакомления личным составом... теперь колхозниками.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться, – выступил из строя правофланговый.

– Спишь? Не товарищ полковник, а председатель правления. И без этого, без «господин». Не приживётся. И говорить

ты со мной, мой заместитель по работе в поле, старший бригадир, бригадир первой бригады по совместительству, мужик Кобзон, можешь, не испрашивая у меня на то дозволения. Шапку тольконими.

– Есть!

– «ПонЯл» или «ладно».

– Ладно... Требую, хочу себе прозвище – Кабзон. Через «а».

– Ладно, – согласился Франц Аскольдович. – Все слышали? Кто ещё предпочитает прозвище?

– Зовите меня Хромым, – попросил бывший ефрейтор и комотделения оруженосцев Клебанов, теперь старший разнорабочий, звеньевой, мужик. Он уронил на ногу бочку с солёными огурцами, от того прихрамывал.

– Меня – Хлебом, – предложил я. Фамилия моя Хлебо-насущенский, с младости в детсаде, в школе и кулинарном техникуме Хлебом дразнили.

– Меня – Чонкой, пожалуйста, да, – попросил истопник Чон Ли.

– А меня – Тонной, попрошу, однако. Председателя колхозного правления давайте Председателем звать, с заглавной буквы «Пэ», однако. Заведующего колхозным хозяйством, бывшего нашего майора Кагановича – Когоном прозовём; Ко-Ган, звучит, однако. Кладовщика – Силычем, однако, – выступил из строя с поклонами председателю правления, завхозу и кладовщику разнорабочий Тонако. – Из почтения,

мы японцы к именам начальников добавим подставку «сан». Председателя-сан, однако, Коган-сан, однако, Силыча-сан, однако.

– Похер, – вырвалось у Франца Аскольдовича.

– Пофиг, – согласился Лебедько.

– Похрон, – поправил обоих Каганович.

– Председатель так Председатель – спохватился Франц Аскольдович. – Ладно, хватит, – предупредил попытки и остальных в строю назваться прозвищем, – познакомимся в столовке за ужином, а сейчас искать и выкапывать грушу на Дальнее поле пойдём.

Строй смешался, распался, толпой поплелись, было, к проходу под «миской», но Председатель остановил:

– Стоять! На гражданке, какая не забываете вынужденная и временная, останутся исключения: с подъёмом – утренняя поверка; с отбоем – вечерняя; в нужник – по очереди согласно списочному составу бригад и звеньев. В столовку и в поле ходить строем... Становись... Равняйся... Смирно! Фельдшер Комиссаров, завхоз Коган, кладовщик Силыч, кашевар Хлеб, выйти из строя и по местам. Звеньевой Селезень, тебе на смену в караул – на вышку, и смотри в оба: парусник менялы первыми мы должны заметить. Остальным, направо! Мужик Кабзон, веди полеводов на работы, я на «капэ» останусь, табель учёта рабочего времени и журнал начисления трудодней завести.

– Слушаюсь.

– Как надо?

– Понял.

– ПонЯл.

– Ладно, понЯл... Шагом... Паа-шли... За-певай!

За ужином я подал в жбанках кисель, и мы перезнакомились. Все, кроме Комиссарова и Селезня, предложили себе прозвища. За столом бывшего комразведотделения так и называли, Селезень. Офицера медслужбы Комиссарова небёны и в лейтенантах называли прозвищем Дока, земляки кликали Дохой.

Разнорабочие одни по-прежнему обращались к Председателю на «вы», к имени приставляли «сан»: им дОлжно – они японцы.

Напились так, что из вагона-ресторана выползали, до спального барака добрались отнюдь не строем, а на вечерней поверке не все могли вспомнить и отозваться на своё прозвище.

Выкрикивая перед строем фамилии и имена, Кабзон переправлял их в журнале списочного состава взвода, теперь списка подушных членов колхоза, на прозвища. Когда очередь дошла до Комиссарова, Председатель, легонько поддав бригадира локтём в бок, потребовал:

– Выкрикни «Камса».

– Камса!

В строю молчали, а так как фамилия ротного врача называлась на поверке всегда последней, всем было понятно, ко-

го кличут.

Фельдшер стоял не крайним в шеренге, где было положено, а в центре под ручки, пьяным в дым.

– Крикни «я», – разбудили его тумакami.

– Е-е-йя, – не получилось у фельдшера.

Так и пошло – звали впредь Комиссарова не Докой и не Дохой, а Камсой. Председатель ему выбрал очень удачное прозвище: с фамилией созвучно, и в точку – медхалат его скоро завонял маринованной хамсой. В полку рассказывали, на Земле рыбаки потчевали этим вкусным солением и жаловались, что исчезает в промысле – не ловится хамса. То ли на корм крупным рыбам вся ушла, то ли мутировала. Франц Аскольдович дивился, определив, чем воняет от лейтенанта: откуда у берегов тихоокеанского острова рыбёшка хамса, в Атлантическом океане вроде водится. А после узнал, что Коган с Силычем, пока голый фельдшер в яме с тёртым топинамбуром взбивал надранку, укутывали его медхалатом квашню с брагой.

* * *

Когда в колхозе полеводы отметили «сорок дней» кончины прежней профессии солдата спецназа, Председатель сам, лично, постирал своё исподнее. Поручить, кому из колхозников посчитал неловким. Такое позволит себе не всякий настоящий председатель колхоза, а ему временно отстранённому от службы офицеру – не к лицу, не в честь. Стирал раз в неделю. Чтобы мужики не видели – ночью. Высуши-

вал в потолочном люке своего председательского закутка, зимой пробирался ко мне на кухню – к плите. Мытарствовал, пока не сжалился Силыча-сан (понятно: стирал не он, братья-японцы). Вечером по субботам (банный день) кладовщик приносил ему в закуток аккуратно сложенное чистое исподнее: тельняшка выглажена, кальсоны чёсаны, пушистые. Подавая бельё, Силыч поначалу отворачивал лицо в сторону, но после как намекнул мне ставить на каминную полку в столовке жбан с киселём, перестал. Принимая бельё, Председатель тоже отворачивался – снимал тем самым должное проявление реакции на запашок. На утренних поверках, случалось, распекал, а скоро рассудил: «А залейся. Меньше жрёшь, когда пьёшь. Ладно, Когана не вовлék, не сломил трезвенника, этот язвенник не даст полеводов совратить в конец». Больше препятствий к возлияниям кладовщику не чинил. Правда, Силычу, чтобы прекратил закусывать, требовалось впасть в запой – пить много и долго. С похмелья развлекался: очертит на песке круг диаметром метра в четыре, станет по центру, позовёт четверых хлопцев... – не вытолкнут за пределы. Раз вытолкнули, так теперь круг в три метра чертит и семерых вокруг себя ставит. Зимами хлопцы в очередь рвутся – согреться можно и развлечение какое-никакое. Подопрут великана с семи сторон, и давят, тот – стоит колосом. Спит и пердит.

* * *

Первым ещё годом на Бабешке, однажды я, майор Кага-

нович и прапорщик Лебедько делили укроп с петрушкой на порции к обеду. Наше скорбное занятие прервали вопли бегущих с Дальнего поля солдат и отдалённый гул подлетающего к острову вертолётa. Из ЗемМaрии прилетели, привезли консервов в обмен на огородную зелень. Хвалили, у них в теплицах ещё не поспела, да и крупной, ароматной такой петрушки никогда и не было. Франц Аскольдович всю отдал, приглашал через недельку ко второму «укоосу» наведаться. Предложил обменяться на невод или бредень, но с материка на вертолётe больше ни разу не прилетали. Не зелень была нужна, и не провиант везли, а скрывали за этим поводом экстренную доставку нам «свечей». Как же, полетят жечь керосин ради того, чтоб обменять консервы на укроп: это через весь-то океан, четыре тысячи километров до острова и четыре тысячи обратно. После того раза спец-фильтры нам доставлял меняла Зяма.

А консервы тогда привезли хорошие – свиное тушёное мясо. Старики на радостях приглашали пилотов почифрить, а салаги, те просто в восторге были – синюшные и распухшие от химудобрений. Комроты после фиаско с первым тогда неудавшимся урожаем опрометчиво себя повёл: отказал председателю соседнего колхоза принять в дар жмых. А поели мы те консервы, в зиму после Рождества на колядки прапорщик Лебедько привёл взвод в Мирный. Не с пустыми руками. За неимением конфет и пряников, скопом переходя от юрты к чуму, меняли гостинцы мирнян на кульки с «Отра-

дой». Селяне салат мой из вежливости пробовали, хвалили и спешили наполнить школьные ранцы своими дарами. Одаривали стокфиском да шматками китовой ворвани, которая ещё с памятного нашего сидения в трюме Зяминого парусника в зубах сидела.

В другой год, в гражданку уже, Коган с Силычем советовали Председателю все возделываемые поля засеять одним подсолнечником, но тот не согласился уже только по одной той причине, что из Отрадного пиратами были увезены прессы, в каких давят семечки. Ещё он понимал, что не выдержать нам рыночной конкуренции с колхозом «Мирный», как раз специализирующимся на выращивании подсолнечника и производстве подсолнечного масла. Рыночная ниша мирнянами занята, а резко увеличить поставки масла в ЗемМарию не удастся: не из украинского хутора на городской рынок завезти. А ещё и по сходной цене надо. Ну, а главное, не верил Франц Аскольдович, что одолеем мы свалившуюся на нас напасть, что отвоюем землю. Топинамбур – зараза! – каким-то ползучим сортом оказался: вытеснил с полей рожь, подсолнечник и свёклу, с Дальнего поля на огороды ближние приполз. А остановить вторжение нечем – ни жердей, ни досок перегородить нашествие на острове нет. Бегали на разрушенный бетонный завод под Быково, кровельным шифером попытались оградиться. Да где там, переполз, зараза, тот забор, до петрушки с укропом на околице деревни нацелился добраться. Выкорчёвывать пробовали, но бесполез-

но: проредить не успевали, как снова вырастал. Более того, «груша» ошалела – поспевала размером чуть ли не с капустный кочан. Правда, клубни в сборе урожая редки, одна ботва. Для «земляной груши» характерна мочковатая корневая система; стебель у растения прямостоячий, обычно зелёного цвета, на нашем Дальнем поле фиолетового. Вот они стебли, ботва, одолели. Сдался наш Председатель – он же не правдивый агроном, он же не настоящий председатель колхоза!

Накануне второй нашей посевной у меня в каморке, за «кисельком» с пюре, сокрушался Франц Аскольдович тому, что не осталось в разграбленном амбаре семян пшеницы «Кустистая», её колхоз «Отрадный» культивировал. Как сорт, пшеницу вывел академик Лысенко, пытался внедрить в сельхозоборот знаменитый Хрущёв, но та только в Хрон и прижилась. Конечно, можно было попросить привезти семян из ЗемМариин, в Аладде выращивали, но не решался, понимая, что и эта ниша будет мирнянами немедленно занята, а конкуренции в жизнь нам не выдержать. Попробовать посадить себе на прокорм? Считалось, «Кустистая» богата редкими микроэлементами, булки из её муки всякие болезни лечат, омолаживают и даже жизнь продлевают. Фигня, конечно. Излил мне Председатель душу и решил, не поднимать нам «Кустистую», даже в объёмах для собственного прокорма, когда рожь и та не родит. Да и что это за еда – хлеб. Мужикам и хлопцам – здоровенным амбалам двухметрового

роста. Таким же поесть надо. А тут в лучший месяц – бутерброд из скибки ржаного хлеба и слоя «Отрады», сдобренного растительным маслом и украшенного «анютиными глазками»... Без мяса – круглогодично... Это им-то, – «отравленным» в учебке на «Звезде» гамбургерами и хот-догами с майонезом или кетчупом на выбор! Правда, приготовленных из кораллов вида и вкуса свинины, сметаны и томатов... «Эх, кашевар, отравленная оскоминой душа, не ел ты, поди, настоящих, не «атомных крепостных», огурцов – с грядок во дворе, из тазика. А рассол?! Чтоб настоящего с утречка да из погребка. Не пробовал, эх». Я напомнил, что я земляк, по причине «сбоев в анабиозе» мало что помню из дохронных лет, но вкус деревенского рассола мне не забыть – отец и дед по утрам потребляли банками трёхлитровыми. Франц Аскольдович загорелся, спросил, сможем ли мы потянуть выращивание огурцов, разумеется, не закатку поставлять в ЗемМарию, с их-то «атомными теплицами», а рассол. Я его остудил: бочек, банок, лаврового и дубового листа, чеснока где взять. Зяма, тот, да, привезёт, но за что менять? За дырки в прошлогодних, его же, им привезённых макаронах? Франц Аскольдович на этот мой довод сник. Я, чтоб совсем не расстроился, подал идею: огурцы самим не выращивать, заказать Зяме доставку из Форта и Рабата, и самим, здесь на Бабешке солить. Рассол в Русь поставлять. Огурцы руссы закатывают в стеклянные банки, бочек у них нет, в потреблении баночного рассола не замечены – приятель, корабель-

ный кок, мне доложил. Здесь на Бабешке огурцы засаливать будем в ваннах – в камне вырубим. А возить в Русь за неимением банок, наладимся в бурдюках: у китобоев мирнянских потроха акулы на то раздобудем. На что Франц Аскольдович, подставив под кисель кружку, съязвил:

– У тебя соляной рудник за околицей? За соль Зяма цену заломит такую, за всё движимое и недвижимое в колхозе «Отрадный» обменять не хватит.

И вот же, идея моя не останется пустой, возьмёт развитие в недалгом будущем, правда, в несколько ином ключе.

Третьей на острове весной, накануне посевной, Силыч, не согласовав с Коганом, уломал Председателя, и тот на свою беду разрешил посадить сельдерей и артишоки, половину огородов под петрушку и укроп заняв. На риск пошёл, опасаясь «фиолетки», вплотную подступившей к огородам по околице деревни. Прельщала все-таки идея поставить в Зем-Марию новую сельскохозяйственную культуру – занять свою рыночную нишу. Семена дал Чонка – бывший бригадир крепостных огородников прихватил в побег мешочек. Урожай был бы отменным, но созреть не успел и убран не был. Сбылись не Председателя опасения, а Когана: самоволки – и это не в зиму, в страдную пору – стали не просто частыми, а повальными. Днём на прополке отведает полевод не созревших артишоков, вечером сельдерей на поливе, и всё: к ночи он – «десантник» и ему невтерпёж. В Мирный бегут, мужики в сопки по бабам, хлопцы под купол на завалинку к дев-

чатам. Кончился блуд тем, что пришлось после того как от председателя колхоза «Мирный» наш получил меморандум с изложением претензий и предупреждений по всем правилам и нормам дипломатического послания, донжуанов приструнить и культуры авангардные уничтожить.

Тогда же в ответном письме с извинениями и обещанием повысить в колхозе дисциплину Франц Аскольдович предложил коллеге шестьсот четыре тысячи семьсот сорок семь евро за один пресс – всю наличность, что была в ротном сейфе. Так мирнянин посмеялся и отписал с обещанием, что дарственный жмых этим годом сдобрит десятью дополнительными поллитровками «постного». Так назвать подсолнечное масло!

После сбора нами первого урожая, мы его ещё в амбар не снесли, мирнянский председатель нашему прислал письмо, в котором сообщил о решении правления колхоза «Мирный» помочь колхозу «Отрадный» «всем, чем богаты». Боялись десантуры – безоружной, но голодной. Привёл точный расклад сорока пяти пудов жмыха с сорока поллитровками подсолнечного масла на сорок четыре отрадновские души. С горечью посетовал «...на не удавшийся сёлета урожай и удручающую в году жару с морозами...». Чем прозрачно дал понять, что в Мирном нас, как гостей, не ждут. Ни зимой, ни летом. А другим годом натянутые отношения стали чуть ли не враждебными, и всё потому, что, отъевшись на дарственном жмыхе с маслом и обожравшись кочанной «гру-

ши», снова зачастили полеводы к мирнянским бабам и девушкам. Хорошо, Коган надоумил, с умом похаживали: мужики в сопки с презервативами, хлопцы на завалинку с букетиками «анютиных глазок» и строгим наказом – старший бригадир Кабзон, обходя шеренгу из хлопцев, каждого трепал своими маслястыми пальцами за щёку – «не баловать там». И возвращались, побитыми местными мужьями и парнями. Запинав по парочке любовников и воздыхателей, те остальных до Отрадного не преследовали. Остывали. Понимали, самим им обратно к «миске» Мирного, под купол, не доползти. Подозревали, что и битая парочка могла не только сама одна запросто отделать обиженных рыбаков с парнями, но и всех деревенских мужиков включая и интеллигенцию – поголовно уложить, начиная упражняться в самбо и каратэ с околиц к центру с ратушей. А зимой – мы уже голодали – одарили нас мирняне одним только жмыхом, без масла. Зато весной и летом мужья и парни оставались спокойными: во всяком случае, походы в сопки «погулять» и на завалинку «песен попеть» отрадновцы прекратили. Отпетые донжуаны из мужиков, кто брезговал пользоваться Камсу в вонючем медхалате, отлучались, бывало, но не в сопки покувыркаться, а от предместья Мирного, издалека, полюбоваться восходом солнца сквозь отрадновскую «миску».

Вот так мы жили и питались. Подавал я «Отраду» на завтрак, обед и ужин. Из-за стола полеводы вставляли с черными как от черники ртами и заболевшими зубами. «Киселёк»

в завтрак выдаваемый вместо компота (на опохмел) только и глушил боль, хандру гасил. Но это ягодки, не знали мы тогда, какими будут цветочки.

* * *

Неладное было подмечено лейтенантом медслужбы Комиссаровым, а случилось всё в ту зиму, в какую начали есть ягоду-оскомину – до «гражданки».

У Комиссарова, несчастного человека страдавшего специфической болезнью, ранки вдруг стали затягиваться дольше обычного – не за день к ночи, как раньше... вообще не заживали. Что только он ни делал: присыпал присыпками из высушенной и толчёной петрушки, мазал жиром китовой ворвани, настойку на «анютиных глазках» пил, наконец, жвачку из «сливок» прикладывал – не помогало. Садился на диету, не пил, не спал, и уже в состоянии полной депрессии попросил у меня «Отрады», попробовать. Помазал – ранки зажили. Но вскрылись раны старые, давно зарубцевавшиеся. И эти мазал – заживали, но в рубцах выростали волосы. Да какие! Щетина, что у того кабана-секача на загривке. А попробуй, сбрей – это ж зеркало иметь надо, а в лагере ни одного, да и брить самому несподручно. Да и где взять бритву, хотя бы ножа спецназовского? Франц Аскольдович свой артефакт из сейфа выдавал только по разу в два дня. По утрам по очереди брились, у всех на виду. А скальпелей и пинцетов у лейтенанта, полевого хирурга, нет – спецназовский нож один заменял ему скальпеля, зажимы, долота, пилу и другой

хирургический инструмент. Пробовали помочь страждущие деды и сердобольные салаги. Выщипывали ногтями, но щетина, как волшебная, отрастала тут же, не успевал десантник клапана в трусах расстегнуть. В горе, Комиссаров приходил ночами ко мне на кухню, клянчил киселя, после плёлся в казарму, отпускал отдохнуть дневального и похаживал в одиночестве меж рядами нар. И вот что его поражало: у земляков, пожилых мужчин, из тех которые к нему в приёмное отделение медчасти по ночам не хаживали, «скворцы» выпархивали и, как у молодёжи, тянулись всё к потолку. Небёны, без того пацаны, с виду стали совсем юными, хоть в школу с ранцами отправляй; они не переставали досаждать ему просьбами объяснить, вредны ли мужчине частые и обильные поллюции. Что слышать – ему-то – было невыносимо. К тому же заметил, что земляки заметно располнели, и все – а среди них есть люди в возрасте почтенном – по утрам подозрительно подолгу задерживались в галюне. Дрочили.

Полковник не знал о «скворцах», ночные бдения лейтенанта в казарме им не были замечены, потому как ночью во двор по нужде ходил через потолочный люк офицерского притвора – на крышу.

Как-то ранним утром после сделки накануне с менялой Зямой и прощального до последующей навигации ужина – взвод ещё спал – к ротному зашёл Комиссаров, разбудил и просит опохмелиться. Полковник, пробуждённый в страшный момент жуткого сна – это только и спасло лейтенанта от

затычин – послал опохмелиться к прапорщику Лебедько.

– Вы, товарищ полковник, ещё на хэ меня пошлите, – развязно возмутился лейтенант. – От него я. Слава киселю! Помои от очистки «макариков» с восторгом употреблены. Ик.

Озираясь по сторонам, Комиссаров увидел котелок на столе – попил с расстройства воды. Потопал, было, на выход, но повело в сторону. Падая на колени, зацепил ящик с лежащей на нём полевой сумкой, из которой от толчка вылез на треть длины тубик. Большой чем обычные тубы с синтетической пищей, круглый в сечении, с навинчивающимся колпачком в половину шара, тубик этот содержал йогурт. По форме смахивал на знаменитого «слона» полковника, причём, в состоянии демонстрации своей наилучшей формы. К слову, из-за этого выдающегося члена Франца Аскольдовича в полку, ещё до присвоения ему звания полковника, прозывали не иначе как «настоящий полковник». А тубик этот я принёс ему в офицерский притвор – на пробу. Йогурт мне подарил мой приятель. Понятно дело, Зяма потребовал от кока сделать это с умыслом на перспективу, у менял ничего «запросто так» не делается. Я предложил комроты йогурт добавлять в «Отраду», тот дал добро и подал идею выменивать приправу за поделки – корзинки, вазочки, накидки, зонтики, рамочки, браслетки, какие наловчились мастерить земляки из оскоминицы. Но потребовал сговориться сразу на крупную сделку, потому как, будет она, скорее всего, одноразовой: вещи плетёные из корней-усов получались крат-

современного пользования – усыхали и в труху крошились, о чём Зяма пока не знал. Проблема была снята после эксперимента завхозом: материал для плетения вымочил в «пойле».

Расскажу о кошмарном сне Франца Аскольдовича, прерванном Комисаровым. За жбанком киселя у меня в каморке рассказывал и пересказывал он не раз. Снилось вот что. Командующий ВДВ, приказав стоять по стойке смирно, примотал скотчем к «слону» гранату-лимонку, в кольцо от чеки вдел палец лейтенанта-медика и в трёх метрах на земле постелил скатёрку со жбаном тюльки, батоном и патроном. Комисаров прикинул: «Две секунды – схватить жбан, батон и патрон, три – залечь за пригорком». И... потянул чеку. В ту памятную ночь, когда лейтенант просил у комроты опохмелки, четыре секунды прошло, на пятой лейтенант на своё счастье разбудил полковника.

Упавшему на карачки медику, тубик попал колпачком в рот.

Пристал подарить «один или два». Сон Франца Аскольдовича потряс, а тут эта ещё напасть. Не разбудил, убил бы гада.

Вложил тубик в трясущиеся руки:

– Йогурт.

– Дырочку в колпачке проделать... – изрёк обрадованный лейтенант и ретировался из притвора.

Уснуть Франц Аскольдович уже не смог. Вылез из гамака, вынул из воды в котелке бюгель, вправил протез в рот. Что-

бы не приняться за йогурт (от съеденного мутило), собрался пойти проверить посты, и начать решил с дневального у тумбочки казармы. Ступил за занавеску в общее спальное помещение и что же он увидел? Стаю «скворцов». Те, что в нижних гамаках, отдыхали на боку; те, что в верхних, тянули шею и плевались в потолок. Картина потрясла настоящего полковника, впредь из офицерского притвора в спальню не выходил, ни отлить, ни посты проверить ночью, в потолочный люк на крышу лез.

* * *

Отвлекали Комиссарова от «научных изысканий» Каганович и Лебедько: привлекли драть на тёрке топинамбур, из надранки ставить брагу и гнать самогон. Процесс контролировал каптенармус, готовность суслу определял зампотылу. В яме, высеченной в камне, лейтенант продукт взбивал всем своим тщедушным голым телом и приговаривал: в начале процесса «Ах, блаженство», в конце «Ох, подыхаю». Для особенного вкуса и большей крепости в яму добавлялась отборная оскомина. После, пригоршню ягоды в ёмкость подбросив, прапорщик заливал брагу в самогонный аппарат. Готовность «киселя» определялась майором: пригубливал из кружки, полоскал рот, выплёвывал (язва – «будь она неладна»), после подзывал «гонщика», подавал допить, подсыпав в кружку из патрона пороху. Тот выпивал, ягодой закусывал, выдох поджигал от зажигалки. Этим оскомину мы «аматары кисялька» за трапезой перебивали. Да и закусь доступ-

ная. А не успевал кто факел пустить, оскомина подступала и вступала под кадык – до слёз, слюней и рвоты. Да такая та оскомина, что зубы сводило, в языке и шее ломило. Но пили. Закусывали чем придётся, а то и чем попало – дарственными жмыхом и ворванью, чаще всего. Одаривали нас закусью мирняне не из альтруизма, конечно, – боялись, подохнем без лучшей, чем ягода, закуски, а им тогда возись с нашим сохранением.

Днём Комиссаров пил, а по ночам в казарме, отправив спать дневального, бдел. В конце концов, сделал «научное открытие величайшей важности». В день, в который комроты зачитал последний по взводу приказ и после обеда сидел у себя, не в офицерском уже притворе, а в председательском закутке, готовый завалиться в гамак и уснуть, бывший лейтенант вошёл и от занавески:

– Товарищ полковник, разрешите доложить.

– Не товарищ полковник, а... э-ээх, председатель правления, и не доложить, а... э-ээх, слово молвить, – зевая, недовольно поправил фельдшера Франц Аскольдович.

– У меня... это... научное открытие величайшей важности.

– Шапку... э-ээх, ломи.

Я при этом их разговоре присутствовал: принёс на пробу блинчики с «Отрадой» – угощение в предстоящий по случаю начала «гражданки» ужин.

Бывший полковник боролся со сном, а бывший лейтенант

теребил в руках шапку-ушанку и плёл ему какую-то дичь про ягоду, про её какие-то необычные чуть ли не чудесные свойства. Будто она – не простая, а дивная: усиливает мужскую потенцию и, что особенно примечательно, в разы увеличивает наполняемость мужским семенем яичек. Когда же приплёл к тому межзвёздные полёты, которые теперь будут возможны, и попросил в предстоящий приход на остров парусника отправить его в ЗемМарию, где намерен в научном центре Рабата провести лабораторные испытания, Председатель потребовал:

– Шапку водрузи... э-ээх... на башку всю болезную... э-ээх... и хиляй ты отседова, фельдшер, подобру-поздорову. Да придумай себе прозвище, а то ведь Мотопедом прозовут, как твоего предшественника в роте.

Растерянного и поникшего Комиссарова я увёл к себе в столовку, налил, конечно, чтоб бедолага в себя пришёл. Фельдшер цедил из жбанка и рассказывал, что в студенчестве был способным учеником, им даже заинтересовался, а после и пригласил закончить у него аспирантуру один академик. Если бы не недуг, нажитый чрезмерным усердием в учёбе – в персональных с академиком занятиях – стал бы учёным неплохим. Пытался мне разъяснить всю перспективность своего открытия, особенно в межзвёздных перелётах, я ему кивал, поддакивал, разбавлял кисель первачом, и боялся, чтоб вконец не сбрендил.

После фельдшер Камса назначал профилактические ка-

рантины, придумал упреждающее лечение, и всё с одной целью – уложить в больничку нескольких сразу хлопцев, чтобы проводить наблюдения и в условиях дневных, сутками. Чем вызывал недовольство у мужиков, которых сачки от прополки, понятное дело, не устраивали; в отместку фельдшеру они по ночам «драли» юнцов как ту сидорову козу, «чтоб неповадно было от труда отлынивать». Председателя правления же завидев, Камса шапку ломил издалека, и резво бежал в столовку спрятаться у меня в каморке под топчаном.

А как он радовался прибытию на остров старшего лейтенанта-медика Витольда Мацкевича, то видеть было надо! Трезв был, как стёклышко, и медхалат свой даже постирал.

* * *

Волею провидения Комиссаров и Мацкевич были не только поляками, но оказались ещё и корешами: родились в Бресте и бегали по одному двору. В медакадемии учились на разных факультетах, зато преподавал им один и тот же академик, у которого оба и закончили аспирантуру. Камса бросился корешу в ноги – так просил остаться за него на Бабешке, всего на полгода-год. Мацкевич согласился после случая с ним.

По прибытии на Бабешку, где надлежало сделать островитянам прививки, лейтенант в Мирном не позавтракал, а у нас в Отрадном не пообедал. Не располагало к тому увиденное: навстречу ему отрадновцы выбежали толпой, одетыми в одно замызганное исподнее, с лицами мурзатыми – чёрны-

ми вокруг рта, как от черники съеденной горстями. Вместо «здравия желаю» потребовали по батону; консервы уплетали не помыв рук и усевшись на песке; из фляжки запивали чем-то дурно пахнущим. От воды – из Антарктиды, чистой, от талого пресного ледника – отказались! Прививки от сибирской язвы, оспы, холеры, СПИДА и ковида сделать согласились, но «в четверг, после дождичка». От витаминов не отказались, сразу по выдаче проглотили по целой банке драже.

После, как колхозники пообедали и в колхозной столовке, Мацкевич зашёл туда попить. В пустую трапезную из кухни через раздаточную звучало моё душевное: «И на Земле будут яблони цвести...». Не желая испортить песню, лейтенант взял с каминной полки жбан и махом выпил наполовину.

Во рту так завязало, а зубы так свело! Слезы потекли, в языке закололо и шею скрутило!

Спасался первым, что пришло на ум – на нижнюю губу подвесил сигарету и прикурил от зажигалки. Не поняв, что перед ним полыхнуло, сигарету выплюнул, да прямо в лужу из выроненного на пол жбана... Если бы не офицерская плащ-накидка, Камсе пришлось бы попробовать себя – останься кореш в живых – в качестве врача-косметолога.

Выпрыгнув из столба пламени, сбросив загоревшуюся накидку, Мацкевич опрометью бросился в кухню и здесь до смерти напугал меня, в дверь каморки вломившись с выпученными глазами и дымившимися волосами.

Я тем временем готовился к послеобеденному сну: лёжа

на топчане и мурлыча про яблони на Земле, вымазывал май-онезом себе живот и что пониже. Застуканный за этим, мягко сказать, двусмысленным занятием, тут же выложил медику рецепт приготовления киселя. К списку компонентов и процессу готовки для убедительности приплёл заверение, что разливать кисель требуется непременно в посудину из белорусской белой глины, такого же дизайна, то есть формы... не в пивные кружки, не в кувшины... в жбаны без ручек. Для пущего интереса ещё приплёл утверждения Комиссарова о возможности теперь летать в дальний Космос, и, как вишенка на торте, подкрепил сказанное заверением в чудесном свойстве укреплять – в разы! – мужскую потенцию. А когда за ужином я раздал котелки с «Отрадой», и полеводы, оставив тушёнку в тюрбиках, засовывали мою стряпню (пюре) ложками в скривлённые рты, запивали из жбанков, Мацкевич заподозрил: «А ведь не проста эта чёрная мыльная каша с кристаллами соли вперемежку и голубенькими цветочками просыпью». Когда же завхоз, старший бригадир и кладовщик подсыпали всем в жбанки пороха из патронов... Банкующие из бригадиров добавили в смесь по «банану», а полеводы, выкушав ту тюрку ложками, вышли во двор... Где, построившись, устроили факельное шествие по деревне, старлей уже не сомневался в том, что стремится кореш в ЗемМарию с затеей провести исследования. Мацкевич уловил запах незаурядного научного открытия, и помочь земляку потому согласился.

Отпустил Председатель Камсу с лёгкой душой, а нарушение воинской дисциплины Мацкевичем «замазал» якобы подхваченной им на острове ветрянкой с диареей.

* * *

Новым фельдшером полеводы остались довольны. Невысокий, лицом не дурён, щеголеватый в халате военврача безупречно выглаженном, блиставшем белизной и чистом. Одевался в один халат, обмундирование и штормовку пришлось отдать корешу, а исподнего с роду не носил. Всегда чисто выбритый, телом дородный. Вынес он немало. Однажды ночью к Мацику – так прозвали Мацкевича – в больницу пришли четверо. Вошли, поставили на стол в баночке из-под консервированных флотских макарон букетик «анютиных глазок» с петрушкой, скинулись по девяти-сантиметровому «червяку» тушёнки из тюбиков, по пять горошин витаминного драже... и предложили пройти в процедурную за ширму, где стать у столика и задрать халатик. Бригадир налил из жбана в три жбанка...

Полеводы в ожидании своей очереди расселись на кушетке и пели: «И на ... будут яблони цвести». Получилось «кто в лес, кто по дрова»: небёны пели «...на Марсе», Хромой, земляк – «...на Земле». И начищали все кожурой «банана» дальнобойные орудия, отчеканенные на латунной бляхе в ремне матроса береговой охраны альянса.

Через пару недель фельдшер от цветов, тушёнки и драже отказался, приходили с киселём, батоном и патроном. Халат

его измялся и стал серым. Мацик заменил Камсу – по полной.

* * *

До ЗемМари Камса добрался, но на берег не ступил, в лаборатории Рабата не попал. На паруснике Зямы «сухой закон», потому всю взятую для экспериментов ягоду на самогонку перевёл. Благо, гнал в судовом лазарете по ночам, тайно от шкипера и команды судна. Ещё и от Кагановича, которому из-за прогрессирующего несварения желудка, язвы, вдобавок мучительного пропадения прямой кишки пришлось покинуть Бабешку. Главный хирург Рабата пригласил прооперироваться. Чтоб не пахло изо рта, Камса самогон не пил, заливал через эндоскоп, введённый в анальное отверстие к кишкам. Вечерами больше ста грамм не потреблял, чтоб, проспавшись, утром в кают-компании за завтраком строить невинные глазки шкиперу и Зяме. Кагановича, конечно, не провести, бывший зампотылу поймал за руку, но не сдал. За невыносимую боль в собственном анусе в отместку измывался над анусом бывшего офицера медслужбы. К концу плавания ягода закончилась. По прибытии в ЗемМарию Камса заявил, что на берег не сойдёт, незачем, хочет вернуться обратно на Бабешку. Зяма устроил – чтоб глаза не видели – на вертолёт (в нём не попьёшь) сопровождавший караван до острова, а на свою предстоящую навигацию нанял на борт эскулапа из Руси: на то, что Мацкевич будет в состоянии лечить команду его парусника не понадеялся. Что

прискорбно, Каганович струхнул: не лёг под скальпель Главного хирурга Рабата. В последний момент убоился: хирург – хирургом, но он же и араб. Пилотам представился наркологом сопровождающим алкоголика, затаился с Камсой в грузовом отсеке вертолётa и улетел обратно на остров.

Я вышел из столовки к мужикам и хлопцам, встречавшим на причале караван, глядь, в толпе – Камса. Пьяный в дымину. Мазик проворно поснимал с кореша штормовку, обмундирование, набросил на голого серый медхалат... и бегом в вертолёт. Киселём, батоном и патроном не выманили. Улетел в ЗемМарию.

Вот с того времени и пошли «цветочки».

У нас зубы – передние резцы – претерпели странные изменения: у одних удлинились и торчали через развёрзлые губы, у других, наоборот, втянулись в рот под язык и нёбо. Благо, подвёрнутые, резцы вкладывались в образовавшиеся щербинны, коренные оттого смыкались – так что, жевать было можно.

И мы с головы до пят покрылись шерстью, как у макака.

На время кампании на Земле марсианскому спецназовцу ВДВ положена стрижка ёжиком, да щетина на лице – удерживали маску «респиратора-мягкого» на голове. А выдали нам на испытание «свечи», которые на Земле и «макариками» прозывали, ёжик и щетину не отменили. На Бабешке стричься комроты не требовал, бриться заставлял раз в два дня, и брились все его ножом. А теперь этот утренний мо-

цион стал занятием бесполезным – щетина моментально от-растала и к вечеру уже курчавилась. Если бы только на лице!

На груди у земляков волосы были с роду, теперь же густо выростали на плечах, спине, животе, боках, бёдрах – везде. У хлопцев-небёнов пожиже лезли; лицо, грудь, живот, почему-то голыми оставались. Мужиков Коган и Силыч гибонами называли, хлопцев чебурашками. Что удивительно, сами завхоз и кладовщик мехом не обзавелись, в отличие от лы-сых, как и они оба, земляков.

У нас и уши выросли.

Не такими огромными, как у Чебурашки, но заметно укрупнились, прям в хрящеватые полублины с мяском и салом под кожей преобразились. Мочки налились чем-то – висели бутылочками, что те серьги. Кладовщик уши обмерял, завхоз размеры фиксировал. Хоть этими с регулярным при-ростом данными амбарную книгу пополнял, потому как от-чётная на страницах цифирь – «худая» по результату сбора урожая – не радовала.

Но преображение наше ерунда против того, что полево-ды больше не ночевали дома. Мужики некоторые даже в сто-ловку не ходили – у марух своих на довольствии состояли. Хлопцы, и те от пюре нос воротили. Меня, вернувшись с по-сиделок на завалинке, запанибратски угощали халвой, «по-душечками» и «сахарными петушками» на палочке. Ну, что на это скажешь, меня как профессионала, су-шефа в дохрон-ных минских ресторанах, обида забирала. Зимой в морозы,

когда полежалки и посиделки под Мирным отменялись, я квитался всласть: в котелки накладывал «Отраду» без масла и без «анютиных глазок».

Полеводы за день на прополке выложатся, вечером на поле чуть передохнут, перед ужином и до вечерней поверки прикорнут где под «миской», к полночи готовы – они десантники, спецназовцы. В Мирный, как прежде, бежали. Мужики в сопки – по бабам, хлопцы под купол на завалинку – к девчатам. Первым разом, после ультимативного перерыва и как мехом с «полублинами» обзавелись, ушли все скопом прямо из столовки после ужина. Председатель тогда прихворнул, из закутка третьи сутки не показывался, я ему выпить-поесть носил. Коган не препятствовал, он из больницы не вылезал, понравилось ему по пути в ЗемМарию обмениваться любезностями с Камсой. На беду в тот день на острове ненастье случилось: ветер – штормовой, дождь – проливной, молнии с громом каких аборигены не видели и не слышали. Потому бабы в сопки не пришли, девчата на завалинку не вышли. Мужики домой поспешили, а хлопцы сдуру пробрались в банно-прачечный блок, где матроны стирали ночами. Увидели те их заросшими шерстью под исподним и, лопухими невероятно – как есть Чебурашки – отходили мокрым бельём. В усердии и суматохе простыни с девиц на пол попадали и бабы заметили, что гюйсы-передники у парней выразительно забугрились. Выпроводив девиц из помывочной, поснимали те гюйсы с трусами... и обнаружили...

даже не «сливы» – «грейпфрукты», да под «стволами», ну, прям миномётными, сплошь в меху. Заинтересовались. Сделали им («стволам») причёски и спровадили под улюлюканье девиц до околицы деревни, вытолкали из-под «миски». Вернулись хлопцы в Отрадное, давай бахвалиться перед мужиками. Те, расстроенные своей неудачей, взбили в шутку остатки своего волосья (на затылках петушиными над лбами гребнями) и после отбоя намылили пацанам холки. Я их из столовки разнимать прибежал, Председатель из закутка и Коган с Камсой из больницы подоспели. Насилу сладили. Ну, Председатель и один бы сдюжил, но болен был изрядно – из закутка буквально выполз. Часовой на вышке позвал Силыча, ночевавшего в кладовой продсклада, тот враз мужикам поправил настроение и пацанов отшлёпал. Председатель пришёл в себя, всех построил, сходил в ПК за ножом и заставил мужиков черепа оголить, а хлопцев причёски сбрить. Какие те с начёсом на «слониках» – работники? Но в самоволку бегать не запретил: бабы накормят, девчонки угостят.

Беда пришла в пятый год нашего обитания на острове: оскоми́на не уродила. Пропала ягода, оскоми́ницу выкапывали пустой. Не на всё время, другим годом ягода снова появилась.

А тогда творилось! Зубы выправлялись, мех сходил, уши и яйца принимали прежний вид и размеры. Всем ужасно хотелось «кисленького», но... кисель гнать стало не из чего. Самогонку, выгнанную без ягоды, пить не могли, прес-

ной казалась, и похмельем бмучались жутким – как от водки «Твердыня». От «Отрады» без ягоды и «анютиных глазок» отказывались. Без ягоды-оскомины дарственный жмых в рот не лез, а от подсолнечного масла рвало, как от рыбьего жира в детстве – земляки помнили. Исхудали. Дырки дополнительные в поясных ремнях сделать Председатель разрешения не дал, а когда падать с полевода начали вместе с трусами и гюйсами, приказал пояса подвесить на китовые усы через плечи – на манер подтяжек. Зиму мужики в спальном бараке на нижних нарах спасались чифирём, хлопцы же на верхних, посасывая стокфиск, ворочались – грезили химудобрениями. Реже, но случалось нитки в зашитых «скворечниках» лопались, «скворцы» выпархивали и плевались. Потолок плесенью пробило. Продолжалось так, пока Камса однажды не заявился после отбоя в спальняй барак трезвым:

– Братцы, да что ж вы делаете! Такие «сливки» пропадают!

Председатель в своём закутке услышал, велел позвать завхоза с кладовщиком и распорядился раздать сливпакеты...

Вот так у нас на Бабешке всё началось. И сдавалось мне, не просто цветочки у нас ещё будут – букеты. Мацкевич, настрапаясь к броску в кабину вертолёта, высказал мне:

– Пока не выправились у вас зубы, уши и яйца, не пропал мех, пока остаётесь гиббонами и чебурашками – голод выдюжите. Состаритесь на этой каторге здоровенькими. И без прививок: не страшны вам ни сибирская язва, ни оспа, ни

холера, ни спид, ни ковид. Помрёте – мужиками.

* * *

Я частенько, в пору, когда после дня впроголодь ужин отменялся вовсе, хаживал на Дальнее поле, проверить появилась ли ягода-оскомина. Однажды прихворнул, долго топчана не покидал, Силыч за меня на кухне управлялся. А пришёл после как выздоровел на поле, застал там человека. У края грядок лежал на песке мужчина преклонных с виду лет. Растрёпанная ниже плеч шевелюра, необычайно густые брови, борода по грудь скрывали ему лицо. Почёсывал пальцами за неестественно большим ухом и теребил огромную мочку. Я не сразу узнал Франца Аскольдовича, Председателя.

Не знаю, о чём он думал. Наверное, о том, что не всё потеряно: меняла Зяма по-прежнему доставлял из ЗемМарии «свечи» и пайки из кораллов. Привозил и новости. Жизнь на планете худо-бедно менялась, но только не для нас на Бабешке. Если и помнили о его роте, то теперь ясно – оставили не у дел. Понимал, после смерти зачинщика Хрона Капитана бин Немо, ни кому на Марсе в условиях перемирия не стало дела до подразделения спецназа на Земле. После года на острове заподозрил, со мной за «чаркой чаю» делился, а в этот год и подтвердилось, что из Твердыни побег 3-тнему взводу устроили. О том Зяма в подпитии проговорился, и Чонка, китаец организовавший побег, признался. Новое Правительство Марса из арабских партийцев отпустило 1-вую роту полка на вольные хлеба, а Комендант Крепости избавился от

1-ого взвода, дабы не кормить в гарнизоне. И рассчитывали те и те, надо полагать, на поставки нами, теперь полеводцами, отрядновцами, сельхозпродукции. Не угадали – так тогда я полагал.

– Так что, жить остаётся своими силами, своим умом, – проговорил Председатель. Похоже, я уловил его настроение. – А, вот хотя бы наладиться варить варенье из оскомины – занять-таки свою нишу. Варенье будет – всем вареньям варенье. Оскоминица снова родит, кашевар – умница. Да что кашевар, два звена на варку поставлю, остальным свёклу на сахар полоть, оскомину, поспеет, собрать рачительно, без повреждений оскоминицы. С Зямой по рукам ударю. В ЗемМарию возить неразумно, по пути на островах драконам варенье сбудет. Заживём.

Председатель, подхватив с песка мотыгу, поднялся и вошёл в заросли топинамбура и мака, обломал, обмял кругом себя стебли и принялся копать...

Скоро он сидел на кителе и, напевая в бороду про яблони, переплетал тонкие длинные усы корней оскоминицы. Время от времени прикладывался к фляжке и закусывал не спелым ещё топинамбуров (ну, как Чапаев в кино, только топинамбуром, не картошкой). Плёл себе юбку. Завтра ему во главе полеводов с ранцами идти в Мирное за дарственным жмыхом и ворванью, в юбке и пойдёт. Все лучше, чем в кальсонах. «Хамелеоны» его стали серыми от стирки без мыла и истёрлись в паутинку от бессменной носки.

– С вареньем буду сбывать маковую соломку. А не задасться бизнес? Что как снова не уродит ягода? Что ж, пропадут у нас «горбы верблюжьи» и примем снова облик человеческий, пойду на поклон к Президенту Пруссии. Оденет, даст оружие, – Вооружённые Силы Пруссии создам. А пока, мне, бывшему полковнику ныне председателю колхозного правления, ни Командующий, ни мустанги, ни волки, ни драконы, ни даже гвардейцы СИ не указ. С вареньем клал я «слона» на всех, всё... и вся.

Как же был я далёк от мысли принять эти слова за пророческие!

Пригнувшись, я достиг перебежками края поля, где накануне моей болезни открыл, что оскоминица снова заплодоносит, и оставил на земле Председателю накидку. Она лежала на месте приваленной камнями, чтоб ветром не унесло. Только иссохла, почти распалась в труху, в брешах которой просматривалась подстёгнутая офицерская плащ-накидка.

Владимир Партолин bobkyrt@mail.ru